

I

Мычание души

Чонг Фат удрученно взирал на оборванца: это был момент горестного братства, когда человек, видя падение ближнего, чувствует, что затронута и его собственная честь. Кон стоял с пристыженным видом, опустив голову и пряча руки за спиной: он только что утратил право носить имя, под которым до сих пор фигурировал в энциклопедии “Ларусс”, — прямоходящее млекопитающее.

Отпираться не имело смысла: китаец накрыл его на месте преступления. Кон забрался в кухню через окно, однако холодильник оказался заперт на ключ, и когда Чонг Фат вышел на шум с веером в руке, со спущенными подтяжками и голым пузом, выпиравшим из расстегнутых штанов, он застал американца на четвереньках лакающим жидкую кашу из плошки, которую владелец ресторана “Поль Гоген. Настоящая кантонская кухня” оставлял по вечерам для котенка.

Чонг Фат, скорее всего, не читал труд Шпенглера о закате западной цивилизации и глубоко опечалился, увидев американского гражданина в такой недостойной позе.

— Стыдитесь, месье Кон. Соединенные Штаты — великая держава. И американец, который позволяет себе так опускаться на островах Тихого океана, в то время как его отечество героически сражается, чтобы сдерживать натиск красных...

— Желтых, — шепнул Кон.

— Коммунистов, — сурово поправил китаец.

Французский подданный и убежденный голлист, Чонг Фат говорил с сильным корсиканским акцентом, который многие поколения жандармов и таможенников насадили, словно экзотические цветы, в разных уголках Таити, где преобладало произношение бургундское с примесью овернского.

— Нам всем стыдно за вас, месье Кон. Не забывайте, что каждый американец является здесь в каком-то смысле посланцем своей страны. А судьба свободного мира зависит сегодня от престижа Соединенных Штатов. Вам следовало бы это знать.

Потупившись и чертя ногой круги на полу, Кон изображал стыд за звездно-полосатый флаг. Надо уважать убеждения ближнего, особенно если вы только что взломали его кассу и завладели порядочной суммой.

— Здесь, на Таити, моральное падение белого человека не может остаться незамеченным, — заключил китаец.

Да уж, подумал Кон. Надо было мне ехать во Вьетнам, там это не так бросается в глаза.

— Подумать только, есть кошачий корм!

Кон убедительно изображал полное нравственное одичание. Главное — выиграть время. Услышав шаги китайца на лестнице, он быстро задвинул ящик-кассу, успел каким-то чудом выскочить в кухню, опуститься

на пол и схватить кошачью плошку. Он почесал внизу живота, в который раз дав себе слово зайти в аптеку и купить ртутную мазь. Никогда не следует забывать о братьях наших меньших.

— Извините, — сказал он тактично, как принято между благовоспитанными людьми, продолжая при этом яростно чесаться. — Я где-то подцепил лобковых вшей.

— Вы совершенно отвратительны, — сморщился Чонг Фат.

Кон был польщен. Он всю жизнь страдал от неутоленной жажды совершенства.

Он глядел на плошку, которую Чонг Фат с негодованием совал ему под нос, и думал: неужели вот такая жидкая каша останется скоро от китайского народа, равно как от русского и американского? С тех пор как он недавно открыл по рассеянности газету, он никак не мог освободиться от бремени своих новых преступлений. В Пекине он именем “культурной революции” вбивал колья в рот старым профессорам — “мандаринам” — и перерезал сухожилия танцовщицам “западного” русского балета. На своей социалистической родине он отправил в ГУЛАГ еще несколько диссидентов, огласил с трибуны ООН, с точностью до десятых и сотых, сколько миллионов детей должны в ближайшем будущем умереть с голоду в Азии и Африке, и попутно продолжал отравлять землю радиоактивными отходами. Даже здесь, в Полинезии, он ожидал со дня на день взрыва созданной им ядерной бомбы, которую готовили к испытаниям на атолле Муруроа¹. Так было всегда: мир наваливался на него

¹ *Муруроа* — остров архипелага Туамоту, где Франция в 1964 и 1968 гг. проводила ядерные испытания.

всей своей тяжестью, едва он переставал заниматься любовью.

Но напрасно Кон искал покоя в бродяжничестве и прятался от самого себя, надеясь забыться, — в глубине его сознания потребность видеть человечество достойным этого звания оставалась все такой же мучительной и неотступной. Порой он даже задавался вопросом, не есть ли его ерничанье своего рода мычание души, испытание огнем¹, которому он подвергает свою внутреннюю веру, чтобы она всякий раз выходила из него победоносной, окрепшей и непоколебимой.

Мне не хватает голоса, подумал он, рисуя большим пальцем на полу ноль. Только наш брат Океан² способен говорить от имени человека.

За окном, распахнутым настежь, запахи сада растворялись в нежности тихой ночи, и природа, казалось, знать ничего не знала о своих сыновьях, оставшихся ее.

1 Намек на легенду о Фаларисе, тиране из Акраганта (Сицилия), правившем в VI в. до н. э. Согласно преданию, он сжигал врагов заживо в бронзовом быке. Доносившиеся наружу вопли казнимых напоминали мычание.

2 “Брат Океан” — цикл книг Р. Гари, в который входит “Повинная голова”.

Пикаро

Кон, который звался вовсе не Кон и был вовсе не американец, мечтал сравниться в циничной беспечности с испанскими плутами-авантюристами золотого века, прозванными “пикаро”. Первым из них, как утверждает некий Посада из университета Саламанки, был Хуан Вальдес, псевдоконкистадор, псевдонунций и много еще чего псевдо, повешенный в 1602 году; народ любовно именовал его *hijo de puta*¹, и легенды о его подвигах долго жили в Кастилии, передавались из уст в уста и без конца сочинялись заново. Пикаро вели приятную жизнь за счет испанской казны более полутора веков, меняли имена чаще, чем сорочки, и оставались в каждой новой ипостаси не дольше, чем требовалось, чтобы украсть кошелек или соблазнить девушку. Это были веселые плуты без чести и совести, пройдохи, дурачившие власть и всех ее представителей без разбора: королей, сеньоров, церковников, богатей, военных. Кон жаждал уподобиться им, вновь отыскать живительную струю удачи, беззаботности и весе-

1 Сукин сын (*исп.*).

лой насмешливости. Но, несмотря на все старания, ему не удавалось достичь подлинной непосредственности, и он постоянно ощущал себя самозванцем: за всеми его плутнями крылось внутреннее смятение, и он ясно слышал в них несносное идеалистическое мычание. Стоило бежать на Таити! Он нес на своих плечах мир, куда бы ни шел, и ноша эта была для него непосильна.

Чонг Фат продолжал его распекать, но Кон давно уже не слушал. Несколько дней назад он не устоял перед искушением и стащил в книжной лавке “Майн кампф” Мао Цзэдуна¹. С тех пор его мучили кишечные колики и рвота, которые он приписывал не только действию маленькой красной книжечки, которую имел неосторожность проглотить, но и фразе, произнесенной Мао позднее, с высоты своего олимпийского величия: “Войны — это всего лишь мелкие эпизоды...” От одного этого человек может начать есть дерьмо, не то что кошачью кашу.

Кона вдруг охватило такое ощущение бессилия — бессилия бесконечно малого перед величайшей силой всех времен — Глупостью, — что от сочетания ярости с затянувшимся воздержанием он испытал недурную эрекцию, словно благосклонная природа хотела развеять его сомнения в собственных возможностях. “Войны — это всего лишь мелкие эпизоды...”

Временами Кон думал, что люди должны поставить ему когда-нибудь памятник. Да, он лодырь, распутник и вор, зато он не совершил ничего великого и за одно это заслуживает благодарности потомков. Придет день, когда матери будут приводить детей

¹ Скорее всего, имеется в виду так называемая “Красная книжечка”, цитатник Мао Цзэдуна, популярный в 60-е годы среди западных маоистов.

к его статуе и говорить: “Посмотри хорошенько! Этот, слава богу, ничего не сделал для человечества”.

Из глубины ночи послышался рокот Океана у коралловых рифов, и Кон, как всегда, когда слышал этот дружественный голос, с облегчением почувствовал, что его состояние понято и выражено.

Он поднял глаза.

— Хватит, Чонг Фат, — рявкнул он. — Я уже давно зарабатываю на жизнь тем, что являю народам третьего мира поучительную картину упадка Запада. И я не первый, кто до этого додумался. До того как приехать сюда, я провел восхитительный месяц, побираясь перед посольством Соединенных Штатов в Нигерии. Я стоял на тротуаре с протянутой рукой: “Подайте обнищавшему белому...” И кстати, я считаю, что таким образом поддерживал африканцев. Это поднимает их моральный дух. В конце концов американский посол назначил мне ренту, пятьдесят долларов в неделю, чтобы я перебрался попрошайничать к посольству Франции... Но, к сожалению, “Геральд трибюн” разгласила мою выдумку...

Такое действительно было. И примерно в тот же период газеты писали еще о двух пикаро, которые процветали многие годы, утверждая, будто это они сбросили атомную бомбу на Хиросиму и теперь изнемогают от угрызений совести. Один из них, получая по шестьсот долларов за лекцию, открыл в Сан-Франциско магазин сувениров Хиросимы, которые с большой выгодой продавал чувствительным людям. К счастью, он успел вовремя смыться, зато второй оказался на нарах, потому что парень, который действительно бомбил Хиросиму, подал на него в суд и потребовал возмещения ущерба.

— А потом я переехал на Таити, чтобы продемонстрировать падение и разложение Запада в более приятном климате. И когда я встаю на четвереньки и жру корм вашего котенка, вы должны меня благодарить. Это же конец белой расы. Пробил час Китая. Привет!

Махнув на прощание рукой, он перескочил через подоконник, унося в кармане тридцать тысяч франков из кассы.

Налог на Гогена

Таитянская ночь, которую именовали “покровительницей ласк” во времена, когда вещи еще называли своими именами, осыпала его милостями. Всякий раз, когда она принимала его в объятия, Кону казалось, что он попал в воздушный гарем, где невидимые наложницы вьются вокруг него, расточая едва ощутимые знаки любви и заботы; он чувствовал себя окруженным некоей изначальной женственностью, состоящей из нежности, тайного трепета, прикосновений, вздохов и многообещающих нашептываний. Состояние благодати достигалось мгновенно, оставалось только ждать явления *вахинэ*¹. Так таитянская ночь исполняла свои обязанности по пробуждению чувственности, возложенные на нее древними, истинными богами.

Китаец, конечно, до завтра денег не хватит, а к тому времени они уже будут приятнейшим образом потрачены. Половину Кон намеревался отложить на покупку красок, хотя и считал это напрасной тра-

1 От таитянского *vahine* — женщина.

той. Полотна, которые он подписывал Чингис-Кон (этот псевдоним он принял в память о другом известном смутьяне — комике из кабаре и еврее по национальности, расстрелянном немцами во время войны, — чувствуя себя в каком-то смысле его реинкарнацией¹), писали ученики из мастерской Паавы. Но туристы, посещавшие Дом наслаждений², ожидали найти там “творческую обстановку”, посему приходилось держать разбросанные на видных местах тюбики с краской и несколько “незавершенных” холстов.

Кон открыл эту золотую жилу почти сразу по прибытии на остров, полтора года назад: таитяне жили в атмосфере культа Гогена, своеобразной смеси гордости и чувства вины. Когда-то они бросили его подыхать в нищете, среди всеобщего равнодушия, бесконечных неприятностей с полицией и властями, не говоря уж о лютой ненависти миссионеров, последний из которых, преподобный Анри де Лаборд, проживший дольше остальных, писал через тридцать лет после смерти художника: “Хотелось бы, чтобы об этой жалкой личности перестали наконец говорить”. Теперь здесь благоговейно чтители память того, чьи картины, растиражированные в репродукциях и открытках, оказались так полезны для создания таитянского мифа и развития туризма в “земном раю”.

Короче, пустовала отличная вакансия, и Кон решил ее занять, чувствуя себя в амплу Гогена весьма комфортно. Он задумал обложить Таити податью, которую окрестил “налогом на Гогена”, и, несмотря

1 Имеется в виду герой романа Р. Гари “Пляска Чингиз-Кона” (в переводе Л. Цывьяна “Пляска Чингиз-Хаима”).

2 *Дом наслаждений* — так Гоген назвал свой дом на Маркизских островах.

на конкуренцию, недурно преуспевал — благодаря, главным образом, своей внешности и предосудительному образу жизни. Фуражка капитана дальнего плавания, золотая серьга в ухе, пиратская борода и испепеляющий взгляд необычайно импонировали туристам. Весь остров знал фарэ¹ художника в нескольких километрах от Пунаауиа, с двумя деревянными эротическими скульптурами — точными копиями тех, что Гоген установил перед своим жилищем в Атуоне к великому негодованию епископа Маркизских островов. Дом наслаждений Кона сохранил от оригинала только название, но директор туристического агентства “Транстропики” Бизьен намеревался в ближайшее время реконструировать подлинный дом Гогена на линии туристического маршрута, разработку которого он как раз завершал. На местных жителей распутство Кона, его скотские повадки, нелады с властями и ненормативная лексика производили наилучшее впечатление, вполне соответствовавшее немеркнущему воспоминанию о его великом предшественнике, а также лубочному представлению о “прóклятом художнике” и “непризнанном гении”. Для пущего правдоподобия Кон время от времени выставлял в Папете какую-нибудь богопротивную мазню, собственноручно им сотворенную, которая так шокировала добропорядочных обывателей, что полная безнаказанность была ему гарантирована: никому неохота было связываться с еще одним Гогеном.

Таким образом, мнение, будто люди склонны повторять свои ошибки и не умеют извлекать уроков из истории, не всегда соответствует действительности.

1 От таитянского *fare* — дом.

Кону не сразу пришла в голову идея “налога на Гогена”. В первые месяцы жизни на Таити тур-агентство платило ему по двадцать франков в день за то, что он исполнял перед туристами роль “бродяги с южных островов”, — это безотказно действовало на европейцев, воспитанных в духе романтики и начитавшихся книжек об экзотических странах. Кон подошел к делу творчески и обогатил образ, внеся в него кое-что от себя, чем снискал глубокое уважение Бизьена. Им был создан типичный персонаж современной истории: “бывший”. Бывший соратник Фиделя Кастро по Сьерра-Маэстра, утративший революционные иллюзии и бежавший на Таити, где теперь, с разбитым сердцем, влачит жалкое существование; бывший талантливый ученый, разочаровавшийся в науке, которая свернула на путь губительных ядерных экспериментов, и бежавший на Таити, где теперь, с разбитым сердцем, влачит жалкое существование; бывший коммунист, разорвавший после Будапешта партийный билет и бежавший на Таити, где теперь, с разбитым сердцем, влачит жалкое существование; бывший режиссер из Голливуда, продавший свой талант и бежавший на Таити, где теперь, с разбитым сердцем... Бизьена восхищала легкость, с которой Кон изобретал, повинуюсь капризам настроения, все новых и новых “бывших”, сидя за столиком кафе, где экскурсовод Пуччони, дабы отметить “случайную встречу”, угощал бродягу с южных островов, а тот за даровую выпивку рассказывал о себе — после долгих уговоров, нехотя, под сочувственными взглядами иностранцев. И не было случая, чтобы преисполненные сострадания слушатели не вручили несколько купюр своему гиду, чтобы тот

тактично передал их “бедняге”. Подлец Пуччони взимал с этой суммы двадцать процентов комиссионных, что Кон расценивал как проявление глубокой безнравственности.

И даже теперь, хотя Кон уже давно работал Гогеном, его все еще тянуло иногда поимпровизировать перед публикой — это случалось, как правило, в тягостные минуты, когда он вдруг оказывался наедине с самим собой и со своим подлинным прошлым — тем, от которого он бежал на Таити, где теперь, с разбитым сердцем, влачил жалкое существование...

Отправившись за своим мотоциклом, оставленным недалеко от “Гранд-отеля”, Кон шел по улице Поля Гогена, мимо лица имени Поля Гогена и площадки, где начиналось строительство музея Поля Гогена. Меж тем пятьдесят лет назад братья из католической миссии и епископ Мартен именовали “жалкую личность” не иначе как Поль Гаден.

Шум прибоя всегда казался ночью более грозным и яростным, может быть, потому, что Океану передавалась тревога людей. Млечный Путь распластывал по волнам шлейф своих световых лет, и Океан мерцал легкими блестками, сыпавшимися с неба, словно монетки разменянной вечности. Лагуна, мачты шхун и кокосовые пальмы островка Моту-Ута наслаждались покоем в лунном свете. А где-то под всем этим спал вулкан, давший некогда жизнь Таити и потухший давным-давно, напоминая Кону все померкшие огни былых распрей и истощившихся надежд. Из них-то и образуются впоследствии камни.

Со стороны бидонвиля, мешаясь с рокотом прибоя, неслись крики, музыка и смех таитян и китайцев, праздновавших взятие Бастилии парижанами. Эти

звуки вызывали у Кона зуд в ногах. Ему не терпелось пуститься в пляс.

Он уже сидел на белом мотоцикле с широким, точно крылья, рулем, вызывавшим у него порой ощущение, будто он Георгий Победоносец и сейчас отправится на поиски дракона, как вдруг рядом затормозил хорошо знакомый “ситроен”.

У сидящего на водительском месте Рикманса был хитрый, всезнающий, преисполненный самодовольства взгляд законченного кретина и прямой пробор ровно посередине непроходимо тупой головы. Даже в темноте глаза его искрились глупостью. Кон считал его достойным преемником жандарма Шарпийе, который некогда составил знаменитый протокол, где обвинял Гогена в езде по городу “на транспортном средстве без габаритных огней” — в ту пору это была единственная конная повозка на всем архипелаге. Впрочем, Кон не держал зла на Рикманса за то, что произошло семьдесят лет назад. Гоген тогда был единственным художником на Маркизских островах, а Шарпийе — единственным жандармом. Они не могли не встретиться.

— У вас будут крупные неприятности, Кон.

— У меня крупные неприятности уже две тысячи лет. Подите к черту!

Когда Кон выходил из себя, его закипавшая ярость давала о себе знать львиным рыком. Сидя на мотоцикле, держа одну ногу на земле, другую на педали, без всякой иной причины, кроме ощущения бессилия, Кон своим *basso profundo* принялся извергать проклятия, адресованные Рикмансу лишь постольку, поскольку тот имел уши. Кон сбежал на Таити, чтобы ни в чем не участвовать, и главной его заповедью было

ни в коем случае не читать газет. Но он стал жертвой обстоятельств. Торопясь по нужде, он схватил первый попавшийся номер “Франс-суар” у китайца из Фии и устроился под гуаявами с великолепным видом на бухту Манурева. Спустив штаны и присев орлом, он в ожидании событий машинально бросил взгляд на приготовленную газету. И на первой же странице узнал, что он продолжает резню в Камбодже, недавно отравил газом йеменских детей, а в Пекине насмерть забил ногами старика, который осмелился, несмотря на “культурную революцию”, хранить дома партитуру Бетховена. На странице три Кону сообщали, что он сумел создать бактериологическое оружие нового поколения, а также газы нервно-паралитического действия, а на странице пять — что он участвовал в марше протеста вместе с чикагскими неграми, крича: “Смерть белым собакам!”, и вместе с белыми, крича: “Смерть черным собакам!”, так что на одного человека собак получалось многовато. Кон пришел в такое бешенство, что у него напрочь отказали функции кишечника, и он потом чуть не отравился слабительным.

И вот теперь Кон орал не своим голосом. Что именно — значения не имело, лишь бы выпустить пар. Не было места ни живописи, ни музыке, ни литературе перед лицом Силы, оставался лишь нечленораздельный вопль, рев первобытного ужаса, вновь возрождавшегося в нем. Могущество крика, как утверждал Кафка, столь велико, что способно сокрушить античеловеческие законы. Но, плюнув в лицо центуриону Флавию, воздвигшему крест, Иисус закричал — и продолжает кричать по сей день, с той самой минуты, как палач вбил первый гвоздь в Его правую длань, и, когда Кон пытался сосчитать гвозди, вбитые в тело Хри-

ста за два тысячелетия, ему становилось ясно, для чего люди придумали электронно-вычислительную технику.

Рикманс вытаращил на него глаза:

— Что это с вами?

Но Кон уже успокоился. Могущество крика, о котором говорил Кафка, было иллюзией, однако сам крик приносил облегчение. Расчищались дыхательные пути. Неплохое упражнение по системе йогов.

— Чего вы разорались?

Кон сурово взглянул на полицейского.

— С каких это пор человеку нужен повод, чтобы орать? — осведомился он.

Ласковый воздух изливал на них свою благоуханную нежность, и с ветвей на их грешные головы сыпались алые лепестки. Природа сжалилась над ними. Дыхание ночи расточало бесчисленные щедроты. Незримые мотыльки тыкались им в лицо, а светлячки окружали их мерцанием земных звезд. Океан смолк, и от имени Кона говорить стало некому.

— Мне доложили, что вы опять позировали для порнографических снимков. Я же предупреждал, что если это повторится...

— Я не позировал. Меня сфотографировали без моего ведома. Я не знал. Я тихо ловил кайф. Пуччони неожиданно привел туристов в мое фарэ. Я стоял к ним спиной, занимался этим стоя...

— Но вы потребовали с них деньги!

— Из принципа. Нечего снимать меня без спросу, да еще в такой момент. Безобразия! Сушее бесстыдство! Они обязаны были попросить разрешения.

В этой истории с фотографиями не было ни слова правды. Очередной навет мерзавца Вердуйе. Но Кон

и не думал отпираться, наоборот: каждый такой факт работал на его репутацию. Вносил дополнительный оттенок подлинности в образ опустившегося бродяги без чести и совести, каковым он стремился выглядеть на Таити. Лучшей маскировки не придумаешь. Люди не подозревали, кто он на самом деле, и Кон чувствовал себя в безопасности. Конечно, хорошая амнезия не помешала бы, но нельзя хотеть от жизни всего. Он глумливо подмигнул Рикмансу и укатил.